

Снеговик

— Так и хрустит во мне! Славный морозище! — сказал снегур. — Ветер-то, ветер-то так и кусает! Просто люблю! А эта что глазеет, пучеглазая? — Это он про солнце говорил, которое как раз заходило. — Нечего, нечего! Я и не смигну! Устоим!

Вместо глаз у него торчали два осколка кровельной черепицы, вместо рта — обломок старой грабли; значит он был и с зубами.

На свет он появился при радостных «ура» мальчишек, под звон бубенчиков, скрип полозьев и щёлканье извозчичьих кнутов.

Солнце зашло, и на голубое небо выплыла луна, полная, ясная!

— Ишь, с другой стороны ползёт! — сказал снегур. Он думал, что это опять солнце показалось. — Я всё-таки отучил её пялить на меня глаза! Пусть себе висит и светит потихоньку, чтобы мне видно было себя!.. Ах, кабы мне ухитриться как-нибудь сдвинуться! Так бы и побежал туда на лёд покататься, как давеча мальчишки! Беда — не могу двинуться с места!

— Вон! Вон! — залаяла старая цепная собака; она немножко охрипла — с тех пор ещё, как была комнатною собачкой и лежала у печки. — Солнце выучит тебя двигаться! Я видела, что было в прошлом году с таким, как ты, и в позапрошлом тоже! Вон! Вон! Все убрались вон!

— Что ты толкуешь, дружище? — сказал снегур. — Вон та пучеглазая выучит меня двигаться? — Снегур говорил про луну. — Она сама-то удрала от меня давеча: я так пристально посмотрел на неё в упор! А теперь вон опять выползла с другой стороны!

— Много ты смыслишь! — сказала цепная собака. — Ну да, ведь, тебя только что вылепили! Та, что глядит теперь, луна, а то, что ушло, солнце; оно опять вернётся

завтра. Ужо оно подвинет тебя — прямо в канаву! Погода переменится! Я чую, — левая нога заныла! Переменится, переменится!

— Не пойму я её что-то! — сказал снегур. — А сдаётся, она сулит мне недоброе! Та пучеглазая, что зовут солнцем, тоже не друг мне, я уж чую!

— Вон! Вон! — пролаяла цепная собака, три раза повернулась вокруг самой себя и улеглась в своей конуре спать.

Погода и в самом деле переменилась. К утру вся окрестность была окутана густым, тягучим туманом; потом подул резкий, леденящий ветер, и затрещал мороз. А что за красота была, когда взошло солнышко!

Деревья и кусты в саду стояли все осыпанные инеем, — точно лес из белых кораллов! Все ветви словно покрылись блестящими белыми цветочками! Мельчайшие разветвления ветвей, которых летом и не видно из-за густой листвы, теперь ясно вырисовывались тончайшим кружевным узором ослепительной белизны; от каждой ветки как будто лилось сиянье! Плакучая берёза, колеблемая ветром, казалось, ожила; длинные ветви её с пушистою бахромой тихо шевелились — точь в точь, как летом! Вот было великолепия! Встало солнышко... Ах! как всё вдруг засверкало и загорелось крошечными, ослепительно-белыми огоньками! Всё было точно осыпано алмазною пылью, а на снегу переливались крупные бриллианты!

— Что за прелесть! — сказала молодая девушка, вышедшая в сад под руку с молодым человеком. Они остановились как раз возле снегура и смотрели на сверкающие деревья.

— Летом такого великолепия не увидишь! — сказала она, вся сияя от удовольствия.

— И такого молодца — тоже! — сказал молодой человек, указывая на снегура. — Он бесподобен!

Молодая девушка засмеялась, кивнула головкой снегуру и пустилась с молодым человеком по снегу вприпрыжку; так и захрустело у них под ногами, точно они бежали по крахмалу.

— Кто такие приходили эти двое? — спросил снегур цепную собаку. — Ты, ведь, живёшь тут подольше меня; знаешь ты их?

— Знаю! — сказала собака. — Она гладила меня, а он бросал косточки, — таких я не кусаю.

— А что же они из себя изображают? — спросил снегур.

— Парррочку! — сказала цепная собака. — Вот они поселятся в конуре и будут вместе глодать кости! Вон! Вон!

— Ну а значат они что-нибудь, как вот я да ты?

— Да, ведь, они господа! — сказала цепная собака. — Куда как мало смыслит тот, кто только вчера вылез на свет Божий! Это я по тебе вижу! Вот, я так богата и годами и знанием! Я всех, всех знаю здесь! Да, я знавала времена получше!.. Не мёрзла тут в холод на цепи! Вон! Вон!

— Славный морозец! — сказал снегур. — Ну, ну, рассказывай, рассказывай! Только не греми цепью, а то меня просто коробит!

— Вон! Вон! — залаяла цепная собака. — Я была щенком, крошечным, хорошеньким щенком и лежала на бархатных креслах, там в доме, лежала на коленях у знатных господ! Меня целовали в мордочку и вытирали лапки вышитыми платками! Звали меня «Милкой», «Крошкой»!.. Потом я подросла, велика для них стала, и меня подарили ключнице; я попала в подвальный этаж. Ты можешь заглянуть туда; с твоего места отлично видно. Так вон в той камерке я и зажила барыней, да, барыней! Там хоть и пониже было, да зато спокойнее, чем наверху: меня не таскали и не тискали дети. Ела я тоже не хуже, если ещё не лучше! У меня была своя подушка и ещё... там была печка, самая чудеснейшая вещь в свете в такие холода! Я совсем уползала под неё!.. О, я и теперь ещё мечтаю об этой печке! Вон! Вон!

— Разве уж она так хороша, печка-то? — спросил снегур. — Похожа она на меня?

— Ничуть! Вот сказал тоже! Печка черна, как уголь; у неё длинная шея и медное пузо! Она так и пожирает дрова, огонь пышет у неё изо рта! Рядом с нею, под нею — настоящее блаженство! Её видно в окно, погляди!

Снегур посмотрел и в самом деле увидел чёрную блестящую штуку с медным животом; из него светился огонь. Снегура вдруг охватило какое-то странное желание, — в нём как будто зашевелилось что-то... Что такое нашло на него, он и сам не знал и не понимал, хотя это понял бы всякий человек, если, разумеется, он не снегур.

— Зачем же ты ушла от неё? — спросил снегур собаку. — Как ты могла уйти оттуда?

— Пришлось поневоле! — сказала цепная собака. — Они вышвырнули меня и посадили на цепь. Я укусила за ногу младшего барчука, — он хотел отнять у меня кость! «Кость за кость!» думаю себе... А они осердились, и вот — я на цепи! Потеряла голос... Слышишь, как я хриплю? Вон! Вон! Вот тебе и вся недолга!

Снегур уж не слушал; он не сводил глаз с подвального этажа, с каморки ключницы, где стояла на четырёх ножках железная печка, величиной с самого снегура.

— Во мне что-то так странно шевелится! — сказал он. — Неужели я никогда не попаду туда? Это, ведь, такое невинное желание, отчего ж бы ему и не сбыться? Это моё самое заветное, моё единственное желание! Где же справедливость, если оно не сбудется? Мне надо туда, туда, к ней... прижаться к ней во что бы то ни стало, хоть бы пришлось разбить окно!

— Туда тебе не попасть! — сказала цепная собака. — А если бы ты и добрался до печки, то тебе конец! Вон! Вон!

— Мне уж и так конец подходит, того и гляди свалюсь!

Целый день снегур стоял и смотрел в окно; в сумерки каморка выглядела ещё приветливее: печка светила так мягко, как не светить ни солнцу, ни луне! Куда им!

Так светит только печка, если брюшко у неё набито. Когда его открыли — из него так и метнулось пламя и заиграло ярким отблеском на белом лице и груди снегура.

— Не выдержу! — сказал он. — Как мило она высовывает язык! Как это идёт к ней!

Ночь была длинная, длинная, только не для снегура; он весь погрузился в чудные мечты, — они так и трещали в нём от мороза.

К утру все окна подвального этажа покрылись чудесным ледяным узором, цветами; лучших снегуру нечего было и требовать, но они скрывали печку! Стекла не оттаивали, и он не мог видеть печку! Мороз так и трещал, снег хрустел, снегуру радоваться бы да радоваться, так нет! Он тосковал о печке! Он был положительно болен.

— Ну, это опасная болезнь для снегура! — сказала цепная собака. — Я тоже страдала этим, но поправилась. Вон! Вон! Будет перемена погоды!

И погода переменялась, сделалась оттепель.

Оттепель усиливалась, и снегур поубавился, но он не говорил ничего, не жаловался, а это плохой признак.

В одно прекрасное утро он рухнул. На месте его торчало только что-то вроде железной согнутой палки; на ней-то мальчишки и укрепили его.

— Ну, теперь я понимаю его тоску! — сказала цепная собака. — У него внутри была кочерга! Вот, что шевелилось в нём! Теперь всё прошло! Вон! Вон!

Скоро прошла и зима.

— Вон! Вон! — лаяла цепная собака, а девочки на улице пели:

Цветочек лесной, поскорей распускайся!

Ты, вербочка, мягким пушком одевайся!

Кукушки, скворцы прилетайте,

Весну нам красну воспевайте!

И мы вам подтянем: ай люли-люли,

Деньки наши красные снова пришли!

О снегуре же и думать забыли!